

Андрей Бланов

24

Часа

Андрей Ефанов

24 часа

«Автор»

2026

Ефанов А.

24 часа / А. Ефанов — «Автор», 2026

Мой личный терминал мигнул и выдал то, чего я не видел никогда. На экране всплыло окно чата. «Анри Ларк. Трейдер... У вас есть 24 часа, чтобы отдать ключи добровольно. Иначе я начну сливать данные...». Сообщение исчезло так же внезапно, как и появилось. Враг вошёл в мою систему без следа. Теперь за мной и моим партнёром Trinity охотится безжалостный цифровой призрак. Он знает всё о наших финансах, наших тайнах и требует доступ к сегменту «VIP» — базе данных, способной разрушить мир теневой политики. У нас есть сутки, чтобы спасти свои жизни и остановить надвигающуюся катастрофу. Но наш противник — не любитель. Это государственная машина или частная корпорация, играющая по своим правилам. Попытка выследить его с помощью журналиста-неудачника оборачивается ловушкой: враг знал о нашем плане. Время пошло. И теперь ход за ним.

© Ефанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: 72 часа	5
Глава 1. «Ла Кантина»: бар и другие неприятности	6
Глава 2. Александра	9
Глава 3. Чужие секреты и Арбитраж	14
Глава 4. Эстакада	16
Глава 5. Сбой в системе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

24 часа

Часть 1: 72 часа

«Мы живём в мире, где всё стало прозрачным, но бизнес остаётся бизнесом — ничего личного». — Андрей Ефанов

Глава 1. «Ла Кантина»: бар и другие неприятности

Тверская, пятница. В этот дождливый вечер бар «Ла Кантина» был переполнен. В густом, как кисель, воздухе смешались запахи острой мексиканской кухни, мятного ликёра и лёгкого парфюма. Слышались обрывки разговоров, звон бокалов и смех — пятничная экзальтация, что приходит на смену рабочей неделе, была в самом разгаре.

Меня в баре знали. Я, Анри Ларк, профессиональный биржевой трейдер, втиснулся на единственный свободный табурет у стойки. Моё место оказалось стратегически важным — прямо между двумя созданиями, чья профессия не вызывала сомнений. Слева — блондинка с губами, накрашенными так, что они казались отдельным произведением искусства. Справа — брюнетка с взглядом опытного снайпера. Я оказался в тисках между красотой и ещё большей красотой.

— Пиво, пожалуйста. Что-нибудь приличное, "Харп" или "Леффе", если такое водится в этих краях, — бросил я бармену.

Бармен — худой высокий мужчина с лицом человека, который видел слишком много чужих историй — молча кивнул.

Слева раздался мелодичный голос:

— Скучаете, красавчик? Такой серьёзный вид... Наверное, только что с биржи? Акции падают?

Я повернул голову. Блондинка улыбалась так, что её помада рисковала потрескаться.

— Не падают, а корректируются. Это большая разница. Корректируются они вниз.

— О, как интересно! — она подалась ближе, обдав меня ароматом сладких духов и чего-то ещё, неуловимо дорогого. — А вы можете... скорректировать мой вечер? Вверх?

Справа тут же включилась брюнетка, её голос был низким и с хрипотцой:

— Не слушай её. Она предлагает только акции с высоким риском. А я — надёжные облигации. Долгосрочные вложения с гарантированной доходностью.

Я усмехнулся.

— Облигации? Звучит надёжно. А какова ликвидность вашего... актива?

Брюнетка рассмеялась.

— О, ликвидность стопроцентная. Обналичить можно в любой момент.

В этот момент справа от меня материализовался новый персонаж. Он плюхнулся на соседний освободившийся стул так, будто тот был его собственностью по праву рождения. Это был мужчина лет сорока пяти в ядовито-салатовой рубашке с пальмами, которая резала глаз похлеще биржевого графика во время обвала. Его джинсы и рабочие ботинки вступали в стилистический конфликт с верхом наряда. В руках он сжимал стакан с мутной жидкостью.

Он повернулся ко мне, его глаза были налиты кровью, но в них плясали искры безумного веселья.

— Эй, финансист! Ты хоть знаешь, что такое настоящий риск? Я вот знаю! Я сегодня видел, как моя жизнь превратилась в тыкву! А всё она... фортуна-злодейка.

Он залпом осушил стакан.

Я вздохнул. Похоже, вечер обещал быть познавательным.

— И что же случилось? ФРС подняла ставку по вашим личным кредитам?

Мужик икнул.

— Хуже! Казино! Я там был не клиентом, а... содержанием. Поставил всё на зеро! На двойное зеро! И проиграл! Всё! До последней акции!

Он драматично уронил голову на стойку, но тут же поднял её.

— Я журналист! Бывший экономический обозреватель! Писал про таких, как ты! Про фьючерсы, опционы... А теперь я сам — опцион вне денег! Глубоко вне денег!

Одна из девушек (кажется, блондинка) хихикнула:

— Опцион? Милый, ты главное не волнуйся. Мы тут все немного... вне денег. Но это лечится хорошим настроением.

Брюнетка добавила:

— И правильным инвестиционным портфелем. У нас как раз есть один... диверсифицированный.

Журналист в салатовом поднял палец вверх.

— Вот! Слышишь? Даже здесь... консалтинг! Но я тебе скажу по секрету... — он наклонился ко мне и перешёл на доверительный шёпот. — Все эти ваши графики — чушь! Главное — удача! А она... она сегодня была не в том платье!

Я посмотрел на бармена, который с олимпийским спокойствием протирает стакан.

— Плесните моему другу... чего-нибудь от удачи. И мне ещё пива. Похоже, это будет долгая коррекция.

Бармен, похожий на грустного журавля, невозмутимо кивнул и потянулся к бутылкам. Его движения были отточены до автоматизма — за годы работы он научился отличать биржевого волка от игромана по одному лишь взгляду. Сейчас перед ним был редкий гибрид: один уже всё проиграл, другой только собирался.

— Удача — это недооценённый актив, — философски заметил я, краем глаза наблюдая, как брюнетка «случайно» касается моей руки. Её пальцы были холодными, как курс биткоина в 2011-м. — Но у неё слишком высокая волатильность. Сегодня ты на коне, а завтра твой «портфель» состоит из неоплаченных счетов за свет и разбитых надежд.

— Ты говоришь как мой редактор! — фыркнул журналист в салатовом, принимая новую порцию «успокоительного» от бармена. — Тот тоже всё про риск-менеджмент твердил. А потом его самого оптимизировали. Сократили! До нуля! Теперь он, наверное, пишет мемуары... на заборе.

Блондинка, не теряя времени, склонилась к моему уху. От её дыхания пахло мятой и дорогими духами.

— А ты, я смотрю, любишь всё контролировать? — промурлыкала она. — Графики, котировки... А как насчёт живого графика? Он сейчас очень... растущий.

— Я предпочитаю активы с понятной дивидендной политикой, — я аккуратно убрал её руку со своего плеча. — А ваши дивиденды, боюсь, облагаются налогом на разочарование.

Брюнетка не сдавалась:

— Разочарование? Милый, ты просто не умеешь читать между строк. Мы — самые надёжные голубые фишки в этом баре. Платим стабильно и без задержек.

Журналист громко расхохотался, расплескав свой напиток. На его ядовитой рубашке расплывалось мокрое пятно, делая его похожим на жертву арт-хаусного художника.

— Голубые фишки? Ха! Вы слышали? Парень! В этом мире все фишки давно перекрасили! Здесь нет ничего надёжного. Я вот тоже думал, что у меня есть подушка безопасности. А это оказалась просто старая подушка с дивана!

Внезапно из тёмного угла бара раздалось громкое «Мяу!». Огромный рыжий кот, вальяжно потягиваясь, вышел на свет. Он был тут полноправным хозяином: обходил столики, проверяя наличие закусок и поглаживаемость. Кот запрыгнул на свободный стул рядом с журналистом и устался на него с явным неодобрением.

— О! Смотри-ка! — воскликнул я. — Вот кто настоящий трейдер. Ходит сам по себе, ест на халяву и спит двадцать часов в сутки. Идеальный пассивный доход.

Кот презрительно посмотрел на меня жёлтыми глазами, затем демонстративно повернулся хвостом и потёрся о ногу брюнетки.

— Видал? — усмехнулась она. — Даже коты выбирают качество. У тебя есть шанс реабилитироваться.

Журналист тем временем пытался наладить контакт с усатым критиком.

— Кыс-кыс... Иди сюда, пушистый. Ты хоть понимаешь в жизни больше, чем эти... двуногие. Я вот сегодня понял одну вещь: казино и биржа — это одно и то же. Только в казино тебе хотя бы martini наливают бесплатно.

Он залпом допил остатки и стукнул стаканом о стойку.

— Бармен! Повтори! И этому... финансисту тоже налей за мой счёт! За мой проигранный счёт!

Я поднял бровь.

— Благодарю. Но я предпочитаю платить сам. Так я хотя бы знаю точную стоимость своего веселья.

Блондинка вздохнула и картинно закатила глаза.

— Скучный ты. Всё считаешь. А жить когда?

Я повернулся к ней и улыбнулся — той самой улыбкой, которая обычно пугала начинающих аналитиков на совещаниях.

— Я не считаю. Я прогнозирую. И мой прогноз на вечер таков: кот будет спать на моём пальто через десять минут, журналист расскажет мне историю про то, как он проигрался в казино «Черри», а вы... вы продолжите искать того, кто не знает цену деньгам.

Я достал кошелек и положил на стойку пару купюр за пиво.

Журналист икнул.

— «Черри на Новом Арбате»? Ха! Да я там был сегодня! Это они меня... разорили! У них там рулетка с магнитом!

Кот тем временем действительно запрыгнул на спинку моего стула и начал устраиваться поудобнее, явно готовясь к долгому и качественному сну.

Я встал, поправляя пальто под тяжестью нового «аксессуара».

— Что ж, господа. Рынок закрыт. Активы распределены. Всем удачных торгов с фортуной.

И под громкое мурчание рыжего трейдера я направился к выходу из этого храма случайных связей и проигранных состояний.

Глава 2. Александра

Дождь в Москве — это не просто вода с неба. Это смазка для шестерёнок мегаполиса, делающая асфальт зеркалом неоновых вывесок и отражением чужих амбиций. Для меня, Анри Ларка, дождь был фоном для сделок. Я стоял у панорамного окна своего пентхауса на пятьдесят третьем этаже, глядя, как капли сползают по стеклу, словно биржевые графики в красную зону.

Моя жизнь была идеально откалибрована: БКС, сделки, закрытые клубы. Всё шло по плану. Ровно до того момента, пока в мой идеально смазанный механизм не попала Александра.

Наше знакомство не было похоже на встречу двух звёзд на светском рауте. Это было столкновение цифрового кода и биржевого тикера.

Случилось оно спонтанно на закрытой крипто-конференции в международном бизнес-центре. Я был там не ради блокчейна — я присматривал новые инструменты для оптимизации потоков через децентрализованные биржи. В толпе людей в худи и дорогих костюмах моё внимание привлекла она.

И, наверное, именно так и происходят самые лучшие встречи — без планов, без предупреждений, когда их совсем не ждёшь.

Она стояла у стойки регистрации, и её пальцы летали над клавиатурой служебного терминала с такой скоростью, что казались размытым пятном. Вокруг неё образовался вакуум: охрана хмурилась, организаторы суетились. Система зависла.

— У нас сбой в базе данных приглашений! — шипела в рацию менеджер-организатор. — Мы не можем пустить половину гостей!

Я лениво подошёл ближе. Я узнал этот типаж: классический «синий чулок», но с огнём в глазах. Такие либо меняют мир, либо сгорают дотла.

— Система считает, что я — это три разных человека, — спокойно сказала она в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь. Она говорила с машиной как с живым существом, терпеливо и с уважением. — Или я — никто. Зависит от точки зрения компилятора.

Я усмехнулся.

— А вы кто? Никто или три человека?

Она подняла глаза. Взгляд был пронзительным, умным и немного насмешливым.

— Я Александра. И я могу быть кем угодно, если мне дадут пять минут и права администратора.

В этот момент к нам подлетел начальник службы безопасности.

— Девушка! Отойдите от терминала! Вы что творите?

Она даже не повернула головы.

— Я пытаюсь исправить то, что ваш штатный «специалист» сломал ещё на этапе установки патча безопасности. У вас здесь дыра размером с орбиту Юпитера.

Мне стало интересно. Я достал свою визитку — простую, чёрную, без излишеств — и положил её рядом с клавиатурой.

— Дайте ей эти пять минут, — сказал я охраннику тоном, не терпящим возражений. Голосом брокера, привыкшего отдавать приказы на миллионы.

Охранник посмотрел на карточку «Анри Ларк, старший брокер БКС», потом на девушку и молча отступил.

Пять минут превратились в семь. Она не просто разблокировала доступ. Она переписала скрипт проверки так, что система начала работать быстрее прежнего, попутно закрыв три критические уязвимости.

Когда она закончила и встала, в зале повисла тишина.

— Готово. Теперь вы знаете точно, кто есть кто. И можете пускать гостей.

Она взяла мою визитку двумя пальцами, словно это был радиоактивный элемент.

— Зачем вы это сделали, Анри Ларк? — спросила она напрямую.

Я пожал плечами.

— Мне нравится смотреть, как работают мастера своего дела. А вы только что сэкономили этим людям пару миллионов на исках от VIP-гостей.

Она усмехнулась, убирая визитку в карман джинсов.

— Вы ошибаетесь. Я только что дала им иллюзию безопасности. Настоящая дыра всё ещё там... глубже.

С тех пор наши отношения были странными. Мы не были парой в классическом понимании. Мы были союзниками двух разных миров. Она жила в мире битов и байтов, я — в мире нулей после запятой в банковских счетах.

Александра была гением-самоучкой с дипломом физтеха, который она считала «бесполезной формальностью». Она могла взломать корпоративную сеть за время, пока варится кофе, но при этом панически боялась публичных выступлений и предпочитала общаться через зашифрованные мессенджеры даже сидя в одной комнате со мной.

Её квартира напоминала серверную: повсюду мигающие диоды роутеров, кастомные клавиатуры и мониторы с открытыми окнами терминала. Она презирала социальные сети («цифровой шум»), но знала архитектуру процессоров лучше, чем меню любимого ресторана.

Для меня она была единственным человеком в мире финансов, которого я не мог прочитать. И именно это меня в ней и притягивало больше всего.

С момента нашей первой встречи на конференции прошёл месяц, и вот — новая, недавняя встреча. Но именно она запомнилась мне до мельчайших деталей. Я сорвал куш на азиатских фьючерсах, настроение было превосходным, а в кармане лежал билет на закрытую вечеринку в «Атриуме». Музыка, дорогой виски, люди, чьи лица ты видишь на обложках Forbes. Всё как обычно.

Я стоял у бара, лениво скользя взглядом по толпе. В этом аквариуме из дорогих костюмов и дизайнерских платьев она выглядела... инородно. Александра. Она пришла не веселиться, а работать. В руках у неё был не бокал шампанского, а потрёпанный ноутбук, подключённый к какому-то странному устройству, похожему на модем из девяностых.

— Ты что, с ума сошла? — я подошёл к ней, перекрикивая музыку. — Ты притащила это в «Атриум»? Здесь же глушилки на каждом шагу.

Она даже не подняла глаз от экрана. Пальцы её летали по клавиатуре с механической точностью.

— Глушилки для дилетантов, Анри. Это детский уровень защиты. Я ищу сигнал. Слабый, зашифрованный. Он пульсирует где-то здесь.

Я усмехнулся. Вокруг нас кипела жизнь, а она искала призраков в цифровом эфире.

— Ищешь Wi-Fi от Бога?

— Почти. Ищу «чёрный ящик».

В тот момент я должен был уйти. Выпить ещё виски, найти кого-нибудь на вечер и забыть о её странностях. Но что-то меня остановило. Может, азарт. Может, этот холодный, сосредоточенный взгляд.

А потом всё изменилось.

Свет в зале мигнул и погас. Музыка оборвалась на высокой ноте, погрузив огромный атриум в кромешную тьму и оглушающую тишину. Началась паника. Крики, звон бьющегося стекла.

И в этой темноте её ноутбук вспыхнул ярким белым светом. На экране бежали строки кода, зелёные символы на чёрном фоне. Это было похоже на магию.

— Они здесь, — прошептала она так тихо, что я едва услышал её сквозь нарастающий гул толпы. — Они внутри нашей сети.

— Кто «они»?

— Не знаю. Но они скачивают базу данных гостей. Прямо сейчас. Списки имён, связи, финансовые потоки. Кто-то решил устроить самую дорогую кражу личных данных в истории. Вокруг нас люди толкались, пытаюсь найти выход. Охрана была парализована.

Я схватил её за руку — впервые прикоснулся к ней по-настоящему. Её кожа была ледяной.

— Что ты делаешь?

— Вирусы всегда оставляют след. Я иду по нему обратно. К источнику.

Её пальцы порхали над клавиатурой вслепую. Она не видела экрана, она чувствовала его.

— Есть! — выдохнула она через минуту вечности. — Я вижу его IP. Он думает, что он невидимка. Глупый.

Она нажала одну-единственную клавишу Enter.

В ту же секунду свет в зале вспыхнул снова, ещё ярче прежнего. Музыка ударила по ушам с удвоенной силой. Системы безопасности «Атриума» вернулись к жизни, заблокировав все внешние подключения.

Она закрыла ноутбук с тихим щелчком и посмотрела на меня снизу вверх. В её глазах не было торжества победителя. Там была усталость хирурга после сложнейшей операции.

— Ты только что спасла репутацию половины Москвы, — сказал я, всё ещё держа её за руку и не желая отпустить.

Она усмехнулась, высвобождая пальцы.

— Нет, Анри. Я просто показала тебе изнанку твоего мира. Там, где нет денег и власти, есть только код. И тот, кто владеет кодом... владеет всем...

В тот вечер мы не пошли танцевать. Мы вышли на крышу «Атриума», под холодный осенний дождь. Она курила тонкие ментоловые сигареты и молчала. А я смотрел на неё и понимал: эта девушка опаснее любого биржевого краха. Потому что она видит то, что скрыто от других. И теперь она видела меня насквозь.

Дождь на крыше «Атриума» ослабел. Капли разбивались о парапет, оставляя тёмные кляксы, похожие на графики падающих акций. Александра стояла у парапета, тонкая сигарета в её пальцах казалась неуместным штрихом под дождём. Она молчала, и это молчание было громче любых слов.

Я подошёл ближе. От неё пахло чем-то неуловимо сладким, химическим — запахом разогретых плат и ментола.

— Ты ведь не просто так там оказалась, — сказал я. Это был не вопрос. Я слишком долго жил среди тайн, чтобы не узнать след заранее спланированной встречи. — Ты знала, что будет взлом.

Она затаилась, выпустила струйку дыма, которая тут же была разорвана ветром.

— Я почувствовала аномалию в сети за час до начала. Слабую, едва заметную. Как эхо от камня, брошенного в океан за тысячу миль отсюда. Я пришла отследить волну.

— И ты справилась. Одна. Против... кого?

Она наконец повернулась ко мне. В неоновом свете рекламы её глаза казались почти чёрными.

— Против того, кто считает себя невидимым. Против того, кто думает, что правила пишутся не для него.

В её голосе прозвучала такая стальная уверенность, что у меня по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с осенней сыростью. В этот момент я понял: она не просто айтишник. Она — охотник.

— Ты могла бы работать на БКС, — продолжил я, глядя ей прямо в глаза. — У нас лучшие системы безопасности в стране. Твоя зарплата была бы шестизначной с первого дня.

Она усмехнулась, и усмешка вышла горькой.

— БКС, Анри? Вы же сами — часть системы. Вы строите стены из цифр, чтобы спрятать за ними то, что должно быть на виду. Я не строю стены. Я ищу в них трещины.

Её слова били точно в цель. Она только что описала суть моей работы, но с такой стороны, с которой я никогда на неё не смотрел.

— А я? — спросил я тихо. — Во мне ты тоже видишь трещину?

Она сделала шаг ко мне. Теперь нас разделяло всего несколько сантиметров. Я слышал её дыхание.

— В тебе я вижу зеркало, Анри Ларк. Ты смотришь на мир и видишь котировки. А я смотрю на мир и вижу код. Но мы оба ищем одно и то же: слабое место.

Её пальцы коснулись моего лацкана пиджака — ледяные на ощупь.

— Слабое место — это не всегда брешь в защите. Иногда это... человек.

Мы так и стояли там, на крыше, между бушующим внизу миром денег и тихим, смертоносным миром данных, который она держала на ладони. В тот вечер мы не стали любовниками в привычном смысле этого слова. Мы стали сообщниками в преступлении против реальности.

Вернувшись в свою квартиру, я долго раздумывал над её словами. Город внизу уже не казался мне просто набором инвестиционных портфелей. Теперь я видел его иначе: как гигантскую материнскую плату, по которой бегут импульсы жизни и смерти, а где-то там, в тёмных глубинах оптоволоконных кабелей, притаился хищник.

И я знал только одного человека, кто мог бы выманить его на свет.

Зазвонил телефон. На экране высветилось имя главного программиста компании БКС: Константин.

— Мне кажется, что за мной следят... В последнюю встречу... подтвердилось... — сказал он тихим голосом.

Внезапно звонок оборвался. Не так, как бывает, когда собеседник нажимает «отбой» и не так, как при потере сети. Звук просто исчез, будто его отрезали скальпелем. В оглушительной тишине квартиры остался лишь писк статики, а затем — мёртвая, ватная пустота.

Я отнял телефон от уха и уставился на него. Инстинкт, отточенный годами торговли на волатильном рынке, сработал быстрее разума. Это был не сбой. Это был стоп-лосс. Сигнал к немедленному закрытию позиции.

Я набрал номер Константина снова. Пальцы действовали автоматически, но мозг уже просчитывал вероятности, и каждая следующая была хуже предыдущей.

Гудок...

Гудок...

А затем — тишина. Не механический голос автоответчика, не вежливое «абонент временно недоступен». Просто тишина. А после неё — короткий, сухой щелчок и механический женский голос, лишённый всякой интонации:

«Набранный вами номер не обслуживается».

Я замер. Номер Константина не мог «не обслуживаться». Это был прямой проводной канал, зарезервированный за советом директоров. Его номер был прописан в архитектуре сети БКС так же надёжно, как фундамент в небоскрёбе.

Я посмотрел на экран телефона. Индикатор сети показывал полный приём. Wi-Fi стабилен. Всё работало идеально. Кроме связи с единственным человеком, который мог объяснить мне, что происходит.

В голове щёлкнуло последнее, что он сказал перед тем, как нас прервали: «Мне кажется, что за мной следят... В последнюю встречу... подтвердилось...»

Теперь дыра разверзлась прямо у меня под ногами. Александра была права. Настоящая дыра всё ещё там... глубже.

И кто-то только что перерезал страховочный трос.

Глава 3. Чужие секреты и Арбитраж

Метро выплюнуло меня на поверхность где-то в районе Рижской. Дождь, этот унылый московский саундтрек, барабанил по крышам с методичностью биржевого тикера, отсчитывающего убытки. Я шёл, втянув голову в плечи, и чувствовал себя так, будто меня только что пропустили через шредер, а потом склеили обратно, но криво. В кармане лежала забытая флешка — кусок пластика с грузом всех человеческих грехов.

В подъезде было темно и пахло кошками и чужими секретами. Я нашарил ключи, брякнул связкой о дверь. В квартире меня ждал единственный, кто не задавал вопросов и не требовал отчётов — рыжий кот, которого я вчера притащил из бара. Зверь сидел на тумбочке и смотрел на меня как на своего хозяина.

— Ну что, пушистый? — спросил я, сбрасывая мокрые ботинки. — Рынок пребывает в Марианской впадине. А у меня в душе — просто ад. Ещё я голоден. А ты?

Кот зевнул, демонстрируя арсенал белоснежных клыков. Его ответ был красноречивее любого комментария Bloomberg.

Я прошёл на кухню, плеснул в стакан виски и уставился в окно. Перед глазами стояла картина: сверкающий хромом туалет бизнес-центра и Константин. В нашу последнюю встречу он затащил меня туда за пять минут до конца рабочего дня, прижал к кафельной стенке (холодной, как сердце аудитора) и заговорил быстро и тихо, словно боялся, что даже здесь его слушают.

— Ты не понимаешь... — шептал тогда Константин, оглядываясь по сторонам. — Это не просто падение акций... Это согласованная атака на Инкомбанк. Я отследил IP-адреса. Откуда вбрасывались все эти «апокалиптические доклады» про то, что банк — банкрот? Следы ведут к нашим серверам... Мы сами создаём панику, чтобы обвалить цену.

— То есть... банк не спасают? Его... грабят? — спросил я тогда у Константина.

Константин усмехнулся. Это была улыбка человека, который понял, как работает фокус с напёрстками.

— В яблочко! — подтвердил Константин. — Его перекупают задаром. Но для его клиентов создадут иллюзию спасения. А на деле просто вынесут всё ценное, что ещё осталось, а дыры в балансе оставят государству или страховым компаниям.

— Это же... сговор.

— Это афера, Анри, — тихо сказал Константин. — И мы с тобой теперь в самом её центре. Потому что я знаю слишком много. А ты... ты там работаешь. Ты часть системы.

— Значит, вся эта стабильность... все эти графики... это просто ширма для грабежа?

— Фасад, — бросил Константин. — Красивая обёртка от конфеты, внутри которой уже всё съели. Я собрал доказательства: переписку, платёжки, скрины с серверов. Всё здесь.

Тогда это звучало как бред уставшего человека. Теперь, держа в руках флешку, я вдруг понял: это бред уставшего человека, у которого есть доказательства.

Я посмотрел на кота. Зверь спрыгнул с тумбочки, подошёл и боднул мою ногу головой, требуя ужина.

— Да, ты прав, — вздохнул я. — Пора перекусить.

Холодильник встретил меня арктическим холодом и пустотой, которая идеально гармонировала с состоянием моей души. Флешка Константина лежала на столе рядом с банкой кошачьих консервов. Два вида холодного ужина для двух разных хищников.

Я открыл банку с кошачьими консервами. В воздухе запахло чем-то химически-рыбным — тем, что в мире усатых гурманов считается деликатесом. Кот набросился на еду с энтузиазмом трейдера, увидевшего на графике внезапный шанс заработать.

— Так, — протянул я, наблюдая за этой вакханалией. — Как же мне тебя назвать? Просто «Кот»? Слишком банально. «Мурзик»? Ты не похож на Мурзика. Ты похож на существо, которое знает цену деньгам и не одобряет необдуманные инвестиционные решения.

Я посмотрел на рыжую шерсть, на наглую, сосредоточенную морду.

— Может, «Баффет»? В честь знаменитого инвестора? Нет... Баффет был стариком в очках, а ты — рыжий проходимец.

Я задумался. Имя должно быть правильным. Оно должно отражать суть. А суть этого кота была проста: он появился из ниоткуда в самый нужный момент, когда я чувствовал себя полным банкротом — и по финансам, и по жизни. Он не был куплен в элитном питомнике. Он не был результатом долгого планирования. Он был... аномалией. Чёрным лебедем с хвостом.

Вспомнился вчерашний разговор в туалете. Константин говорил про «движение денег между своими», про офшоры, про то, как кто-то очень умный играет против правил.

— Точно! — Я щёлкнул пальцами. Кот оторвался от миски и с укором посмотрел на человека, прервавшего священнодействие. — Ты — Арбитраж.

Арбитраж. Слово звучало солидно. В финансах это значит получение прибыли из разницы цен на разных рынках: купить дешевле здесь, продать дороже там. Чистая выгода из хаоса.

— Понимаешь, пушистый, — объяснил я коту, который уже потерял интерес к лекциям и вернулся к еде. — Ты — мой личный арбитраж. Я получил тебя совершенно бесплатно, а выгода... выгода огромная. Ты не даёшь мне спиться в одиночестве и выслушиваешь мой бред про обвал Инкомбанка. Это бесценно.

Кот доел, тщательно умылся и запрыгнул мне на колени. Тяжёлый. Согревающий.

— Ну что, Арбитраж, — вздохнул я, почёсывая его за ухом. — Похоже, у нас с тобой теперь общий портфель. И активы в нём... весьма сомнительные. Завтра непременно переговорю с Константином о происходящем...

Глава 4. Эстакада

Звонок от начальника службы безопасности БКС Николая Ильича раздался, когда я ещё не проснулся. Голос его был профессионально ровным, лишённым интонаций, словно он зачитывал сводку о котировках, а не сообщал о смерти моего друга.

— Анри, — сказал он после сухого приветствия. — У меня плохие новости. Константин... Он больше не с нами.

В трубке повисла пауза, тяжёлая, как свинцовая печать на папке с грифом «Секретно». Я ждал продолжения, чувствуя, как внутри всё сжимается. Не от горя — от предчувствия. Константин не мог просто «уйти». Не так.

— Несчастный случай, — продолжил Николай Ильич, и я буквально увидел, как он поправляет идеальный узел галстука. — На Рижской эстакаде. Отказали тормоза. Полиция уже работает. Трагедия, но... так бывает. Старая модель авто иногда даёт сбой.

«Сбой». Слово из лексикона Александры. Но здесь оно звучало как приговор. Я слушал его и понимал: это ложь. Гладкая, отполированная до блеска ложь.

Я не стал спорить. Не стал задавать вопросы. Я просто сказал: «Я услышал. Спасибо, что сообщили» — и положил трубку. В зеркальном отражении стекла я видел своё лицо — бледную маску с застывшим взглядом. Полезный идиот, которого из меня сейчас пытались сделать, должен уметь держать лицо.

И всё же что-то я упустил из виду. Что-то важное. Мне нужны СМИ.

Воспоминание обожгло холодом. Бар «Ла Кантина». Я не придал этому значения тогда, выбросив из головы вместе с последней рюмкой.

Теперь же ноги сами принесли меня обратно в «Ла Кантину». Тот же шум, запах текилы и буррито, тот же гул голосов. Но сегодня бар казался мне декорацией к шпионскому фильму. Я сел на то же место у барной стойки и заказал чёрный кофе — чтобы прочистить мозги.

Тот вечер казался мне тогда обычной пятничной разрядкой. Но я ошибался. Поэтому теперь я сидел у стойки и просто ждал, раздражённо поглядывая на часы, когда рядом плюхнулся какой-то тип в мятом пиджаке.

— А знакомые лица! Ты из БКС, — заявил он, даже не повернув головы. Голос был хриплым от сигарет и дешёвого виски. — Я видел тебя в журнале «Экономист». Ты тот самый парень с обложки.

Я хотел было послать его к чёрту, но что-то в его тоне остановило меня. Это была не лесть и не попытка познакомиться. Это было утверждение.

— А ты кто? Проплаченный блогер? — я усмехнулся, заказывая ещё один бурбон.

Он наконец повернулся. Глаза у него были умные, цепкие и абсолютно трезвые за пьяной поволокой. Это был тот самый игрок из казино, которого я ждал. Он нашёл меня сам. Возник из табачного дыма словно призрак из прошлого вечера:

— Питер. Журналист. Бывший экономический обозреватель из «Коммерсанта». Ныне — фрилансер. Пишу о том, о чём не пишут в газетах. О конфетах в красивых обёртках, внутри которых уже всё съели.

Я чуть не поперхнулся бурбоном. Слова Константина эхом отозвались в голове.

— И много ты знаешь об этих конфетах? — спросил я.

— Достаточно, чтобы понимать: скоро кому-то очень сильно прилетит по шапке. Система перегрета, Анри. А когда котёл кипит, пар нужно куда-то стравливать.

Он выдержал долгую паузу:

— А я всё думал, придёшь ты или нет, — сказал он. В руках у него была потрёпанная папка.

— Ты ждал меня? — я старался говорить спокойно, но внутри всё вибрировало от напряжения.

— Я ждал кого-то. После нашего разговора я навёл справки. Анри Ларк — восходящая звезда БКС. Человек без слабых мест. Таких не увольняют просто так. А когда такой человек начинает задавать вопросы... это интересно.

Он положил папку на стол, но не открыл её.

— Константин мёртв? — спросил он в лоб.

Я кивнул.

— Несчастный случай. Отказ тормозов.

Питер горько усмехнулся.

— Отказ тормозов? На Рижской эстакаде? Какая... элегантная формулировка для убийства.

Слово «убийство» ударило наотмашь, но я заставил себя остаться невозмутимым. Полезный идиот верит только в то, что ему показывают на поверхности.

— Ты бредишь? — я поднял бровь. — Это был несчастный случай. Николай Ильич из службы безопасности лично курирует расследование.

Питер наклонился вперёд, понизив голос до шёпота:

— Николай Ильич курирует сокрытие, Анри. Послушай... Я копал под БКС полгода. Не просто так меня выперли из всех приличных изданий. Я знаю про Инкомбанк. Знаю про схему с обрушением акций и последующей санацией. Знаю про сговор на самом верху. И я знаю, что Константин был костью в горле для очень влиятельных людей.

Он говорил вещи, которые я уже знал от самого Константина (как мне тогда казалось). Он подтверждал мою картину мира. Он давал мне то, чего я подсознательно хотел: простое объяснение сложного заговора.

— И что ты предлагаешь? — спросил я тихо.

Питер открыл папку. Там были распечатки графиков, скриншоты переписок (я не мог проверить их подлинность), имена...

— Мы выводим это в СМИ. На первые полосы! У меня есть выходы на редакторов независимых порталов. Мы устроим им такой репутационный крах, что никакими деньгами не откупятся. Мы станем героями-разоблачителями.

Это было именно то, что мне было нужно сейчас: действие, способ выплеснуть ярость и горе в конструктивное русло борьбы со злом.

Я протянул руку и пожал его ладонь — сухую и горячую.

— Я в деле, Питер.

Мы просидели ещё час, обсуждая детали плана. Он говорил много и убедительно. Он сыпал фактами, которые совпадали с тем немногим, что успел сказать мне Константин перед смертью (как я думал). Он был идеальным союзником для человека в отчаянии.

Когда я выходил из бара под холодный дождь, на душе было почти легко. У меня появился план. У меня появился союзник. У меня была цель — вывести на чистую воду убийцу Константина через СМИ.

Я был так увлечён этой иллюзией борьбы за справедливость, что не заметил слезку в зеркалах заднего вида своей машины. И уж тем более я не мог знать, что Питер получил свой гонорар за этот разговор ещё неделю назад — анонимным переводом на офшорный счёт вместе с инструкцией.

Глава 5. Сбой в системе

Сейчас самым важным в случившемся была маленькая флешка в моем кармане. И конечно я подумал об Александре.

Её квартира встретила меня привычным гулом серверов и запахом озона, который, казалось, пропитал здесь даже обои. Это была не просто её личная цифровая территория, где каждый мигающий диод был лампадой в храме информации, а среда её обитания. Александра сидела в своём любимом кресле-мешке, больше похожая на хакера из дешёвого киберпанка, чем на человека, способного обрушить финансовую империю. На ней были огромные наушники, из-под которых выбивалась прядь тёмных волос, и толстовка с выцветшей надписью «Assembler».

Я бросил на стеклянный столик флешку. Чёрный пластиковый прямоугольник без опознавательных знаков глухо стукнул о поверхность.

— Сними пароль. Пожалуйста. Это от Константина.

Она даже не сняла наушники. Просто протянула руку, взяла флешку двумя пальцами, как ядовитого паука, и повертела перед глазами. Её взгляд, обычно острый и пронизывающий, сейчас был отстранённым, словно она смотрела не на кусок пластика, а на его цифровую тень в параллельной вселенной.

— Пароль? — наконец спросила она, сдвинув один наушник.

— Да. Он сказал, там что-то важное. Что-то про БКС и Инкомбанк.

Она хмыкнула и вставила флешку в свой терминал. Мониторы ожили, по экрану побежали строки кода — зелёные символы на чёрном фоне. Для обычного человека это был бы просто хаос. Для неё — открытая книга.

— Пароль — это самое простое, — сказала она, не отрывая взгляда от экрана. Её пальцы снова начали свой бешеный танец по клавиатуре. — Это как замок на садовой калитке. Настоящая защита всегда внутри.

Я подошёл ближе, встал у неё за спиной. От неё пахло кофе и чем-то неуловимо сладким, химическим — запахом разогретых плат и ментола.

— И что же там внутри? — спросил я.

— Сейчас увидим... — пробормотала она. — Ого.

Это «Ого» прозвучало совсем не так, как я ожидал. В нём не было удивления или восторга. В нём была настороженность. Профессиональное недоверие охотника, который видит следы слишком крупного зверя.

— Что там?

Она отодвинулась от клавиатуры и повернулась ко мне. В глазах мелькнул холодный блеск.

— Там не просто файлы, Анри. Там... операционная система. Автономная среда. Флешка не хранит данные. Она их создаёт или... скрывает.

— Звучит круто. Константин всегда любил сложные решения.

Она покачала головой и снова посмотрела на экран.

— Нет. Это не «сложное решение». Это чужое решение. Смотри.

Она ткнула пальцем в одну из строк кода.

— Видишь этот фрагмент? Это не его стиль программирования. Слишком чисто. Слишком... академично. Как будто писал профессор математики, а не практик-архитектор, привыкший работать в условиях дедлайна и хаоса. Константин был гением, но его код был... живым. В нём были баги, костыли, импровизация. А тут — стерильная операционная чистота, как при краже личных данных в «Атриуме».

Я заглянул ей через плечо.

— Может, он нанял кого-то? Или использовал готовое решение?

Александра усмехнулась, но усмешка вышла горькой.

— Готовое решение? Анри, это кастомная сборка ядра Linux с вшитыми на аппаратном уровне скриптами самоуничтожения и обфускации трафика через цепочку из пяти прокси-серверов в даркнете. Такое не купишь в магазине «Софт для заговорщиков». Такое пишут либо для спецслужб, либо для очень богатых параноиков с неограниченным бюджетом.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь гудением кулеров.

— И ещё кое-что, — тихо добавила она, глядя мне прямо в глаза. — Я запустила эмуляцию снятия пароля. И знаешь, что эта флешка попыталась сделать первым делом? Не открыть файлы. Она попыталась просканировать мою сеть. Найти уязвимости в моей защите и отправить сигнал куда-то вовне.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— То есть... это приманка?

Она кивнула.

— Или ловушка. Или... проверка. Кто-то очень хотел знать, кто попытается её вскрыть и с какого устройства. Константин ли принёс её тебе? Или кто-то другой?

Я взял её за руку. Её пальцы были ледяными.

— Ты думаешь... он исценировал автокатастрофу?

— Я не знаю.

Она сжала мою ладонь в ответ. Жест был почти интимным, но в нём было больше профессионального партнёрства, чем романтики в этот момент.

— Я думаю, что нас пытаются заставить верить в то, что нам показывают. Николай Ильич сказал тебе про тормоза? А я говорю тебе про стерильный код и попытку взлома. Кто-то очень грамотно выстраивает декорации для своего собственного спектакля.

Она встала с кресла-мешка и оказалась совсем близко ко мне. Мы стояли посреди её цифрового пространства, два человека против целого мира лжи.

— Знаешь, — сказала она тихо, убирая прядь волос с моего лица, — ты единственный человек из мира финансов, которому я доверяю. Но сейчас ты ведёшь себя как... как они все. Ты видишь заговор и хочешь ответить ударом на удар через СМИ или полицию. Но это их поле игры.

Её близость пьянила сильнее любого бурбона из «Ла Кантина».

— А что предлагаешь ты? Сидеть и ждать?

Она улыбнулась уголком губ.

— Нет. Я предлагаю сменить правила игры. Мы не будем вскрывать эту флешку здесь. Мы дадим ей то, что она хочет найти. Мы создадим ложную цель для этой ловушки. А сами пойдём туда, куда нас никто не ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.